

ИМИ-ИЖГТУ: НАША РОТА

**Борис Якимович,
ректор ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова,
профессор:**

«Ижевский механический институт (Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова) был организован в 1952 г., спустя семь лет после окончания Великой Отечественной войны. Однако его создатели, само рождение и становление вуза неразрывно связаны с военной судьбой страны. ИМИ-ИЖГТУ — в буквальном смысле дитя Победы».

В начале 1941 г. в Ижевск были эвакуированы 49 промышленных предприятий из Харькова, Тулы, Москвы, Одессы, Мелитополя, Киева и других городов страны. Уже в ноябре в город прибыли и эвакуированные Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (МВТУ) и Тульский механический институт.

Заводы города работали по 12–14 часов в сутки, у станков старики и женщины, подростки и инвалиды. Ижевск дал фронту астрономическое количество оружия: больше, чем все заводы гитлеровской Германии. Только завод «Ижмаш» в течение суток вооружал одну стрелковую (12 тыс. винтовок) и одну авиационную дивизию. По словам наркома обороны Д.Ф. Устинова, «в те годы Ижевск был главным арсеналом Родины».

После войны Ижевск, как один из крупнейших центров машино-

Ижевский мотозавод во время войны

строения и стрелкового вооружения страны, остро нуждался в квалифицированных инженерах. Кузницей инженерных кадров для городских заводов, а потом для всего Урала и Предуралья и стал Ижевский механический институт. Приказом Минобразования СССР московская «Бауманка» была назначена официальным шефом ИМИ, а многие его сотрудники — первыми профессорами и преподавателями ижевского вуза.

В списке ветеранов Великой Отечественной войны ИМИ-ИЖГТУ — около 80 участников

войны, от шофёров и лаборантов до деканов и ректора. Ещё больше фронтовиков было среди первых студентов молодого вуза: вчерашних командиров орудий, лётчиков, танкистов, разведчиков...

Преподаватели, сотрудники и студенты «Механа» — целая рота Победителей. Наша рота.

Рассказать о каждом из них в журнальной статье просто невозможно. Остаётся только «вызвать» кого-то из солдатского строя...

— Саушкин, Дерендяев, Власов... Шаг вперёд!

Первые студенты Ижевского механического института. 1952 г.

Жил-был Саушкин...

«Жил-был Саушкин, или Приключения мальчика в стране добряков» — это название детского мультфильма, снятого давным-давно. Герой мультфильма, мальчик, пошёл за спичками — и пережил массу приключений. А домой он писал письма: «Мама, меня уносит в открытое море, я лечу искать добряков...»

По удивительному совпадению, герой этой сказочной истории как две капли воды похож на Бориса Владимировича Саушкина, совсем не сказочного героя настоящей войны, одного из деканов Ижевского механического: та же роскошная русая шевелюра, тот же взгляд прямо в глаза, тот же упрямый путь, — иначе он не умел. В Механиче-

ском институте Б.В. Саушкин работал с момента его основания — и всю оставшуюся жизнь.

Это для него один из выпусков «стрелкачей»-оружейников ИМИ расписал «под хохлому» весь асфальт на центральной площади студгородка, выводя огромными буквами: «Саушкин — друг человека!»

Борис, единственный сын в семье Саушкиных, родился в селе Алнаши 18 января 1925 г. В 1942-м он окончил школу и в сентябре поехал поступать в МВТУ им. Н.Э. Баумана, эвакуированное в Ижевск с началом войны.

Уже к середине ноября 1941-го «ижевская Бауманка» насчитывала 1100 студентов, 120 профессоров и преподавателей и 38 служащих. Учились

баумановцы в здании индустриального техникума в две смены, в страшной тесноте, в коридорах и даже на лестницах. Не было лабораторий, преподавали «меловым методом», но не было и классных досок, поэтому формулы писали мелом прямо на стенах и дверях... Комсорги факультетов хлопотали, чтобы достать студентам... лапти.

Но «Бауманка» в Ижевске была не только учебным заведением, но и мозговым штабом заводов. Пожалуй, никогда ещё в Ижевске не собирались столь блестящие научные силы: академики В.П. Никитин, специалист по электротехнике, и Е.А. Чудаков, знаток проблем прочности и износа деталей, профессора И.И. Куколевский, Н.Н. Рубцов, М.А. Саверин, лауреаты Сталинской премии 1942 г. (всего в институте тогда трудилось 13 таких лауреатов).

Многие выпускники «ижевской Бауманки» составили после войны цвет советской и российской науки: К.К. Крупников, один из четырёх создателей проекта советской атомной бомбы, пионер-исследователь динамических свойств материалов; И.Я. Стечкин, автор знаменитого пистолета (АПС); легендарный С.П. Непобедимый, человек под грифом «совершенно секретно» (ракетные комплексы). В октябре 1942-го в училище поступили ещё 500 первокурсников, почти все из Удмуртии (кстати, каждый пятый — сталинский стипендиат).

Но студент Борис Саушкин успел сдать зачёты только за первый семестр. Одноклассники и однокурсники стали один за другим записываться добровольцами на фронт. Баумановцы имели бронь, студентов оборонных специальностей не призывали. Об этом все знали, но какое это имело значение, если твои товарищи уходят на войну?

Кадр из мультфильма «Жил-был Саушкин». 1981 г.

Гвардии рядовой Б.В. Саушкин.
Корсунь, февраль 1944 г.

Сам Борис Владимирович объяснял: «Если в группе один-два человека подавали заявления, после этого — как? Ты шёл и подавал тоже. Может быть, я бы и не пошёл, но когда твои друзья идут, совесть заставляет тебя это написать: “Прошу зачислить в добровольцы...” Мы и пошли писать заявление вместе с одноклассником».

Шёл январь 1943-го. Первокурсник «Бауманки» стал курсантом 3-го Ленинградского стрелково-снайперского училища, эвакуированного в Воткинск. И жили, и учились тяжело, но недолго: к лету всё зимнее пополнение курсантов отправилось на фронт.

В училище, однако, способного студента, который бойко говорил по-немецки, заметили, и на фронт Борис попал не сразу. Направили его в Иняз РККА, где он отучился полтора месяца, потом свалился с воспалением лёгких. Пока болел, из института переводчиков его отчислили, а выздоровел — направили в 32-й Гвардейский танковый полк под Полоцк...

В августе 1944-го молодой боец «за участие в боях и проявленное мужество» был награждён

первой медалью «За отвагу». А 13 января 1945 г. фронтовая газета «Вперёд на врага» писала уже о других боях: «Об этом случае знает весь наш полк: 5 автоматчиков вышли победителями против 40 гитлеровцев. Первую группу гитлеровцев встретили и уничтожили гранатами ст. сержант Гуреев и ефрейтор Саушкин. Гвардейцы так и не подпустили фашистов к нашим окопам». Ефрейтор Саушкин за этот подвиг был награждён орденом Славы III степени».

«Мы говорили с Борей о войне, — вспоминает его однокурсник и коллега, заслуженный деятель науки УР, кандидат технических наук Владимир Наумович Гринберг. — Он потрясающие вещи рассказывал о Шевченковской операции 1944-го (наступательная Корсунь-Шевченковская операция, в солдатском просторечии — «Корсунь-Шевченковское побоище». — Прим. ред.). О том, как это было ужасно, — там окружили значительную группировку немцев, которые отказались сдаваться и прорвались, но тяжёлой ценой — их подавили танками... Боря рассказывал, что они ходили по человеческим кускам, размятым гусеницами в снегу и грязи. А ведь ему тогда было только двадцать, по сути — третьекурсник...»

К 1945 г. на груди молодого командира добавились ещё две солдатские медали — «За бое-

вые заслуги» и «За победу над Германией» и орден Отечественной войны II степени. Закончил он войну 8 мая 1945 г. в Латвии.

Евгений Константинович Баженов, коллега, вспоминал: «...вот, говорят, Борис Владимирович был вспыльчив. Это и характер, конечно, но и контузия, инвалидность. Он же воевал в танковых войсках, хоть и не танкист. Вы представляете, что такое фаустпатрон? Вот сидит с ним немец. Он может выстрелить из засады, танкист его и не увидит, он видит только дорогу. А сверху танк практически ничем не защищён. На танки с автоматами и садили таких ребят, кто покрепче, как Борька. Любая ударная волна — всё доставалось им...

Знаю, что одну из своих медалей Борис получил за разведку в немецком тылу. Их обнаружили — и больше суток они сидели в болоте, куда их загнали немцы. После этого у него и ноги больные были, в конце жизни он уже не ходил. Ордена просто так не давали... А в разведку он ходил не раз — отлично знал немецкий. Потом, сразу после Победы до октября 1945-го, его держали старшим писарем в Армейском гвардейском тяжёлом танковом полку в Прибалтийском военном округе. Сдаётся, бывало, очередная гитлеровская группировка — и его, высокого красавца, представительного, чистого русака, хорошо говорящего по-не-

Военные сборы студентов МВТУ им. Н.Э. Баумана (второй слева во втором ряду, весь в орденах — Борис Саушкин). 1951 г.

Первые преподаватели ИМИ (первый слева в верхнем ряду — Борис Саушкин). 1 сентября 1952 г.

мецки, секретаря комсомола батальона, одевали в офицерскую форму и брали на переговоры...»

В октябре 1945 г. Борис вернулся в Алнаши, пошёл работать в школу. Учил ребят-односельчан математике и черчению, а в конце лета поехал в Москву, в родной институт.

«С Борей мы знакомы с первых институтских дней, с 1946-го, он просто вернулся после войны в альма-матер, — рассказывает В.Н. Гринберг. — Очень худой, прозвище у него студенческое было — Сушкин. С шикарнейшей замечательной шевелюрой (это она потом стала белой, а в поздние годы появилась и борода). Он буквально весь звенел, вся грудь — в орденах и медалях. Вообще все мои однокурсники были в “зелёном” — фронтовики. Безусловно, он всегда очень много читал. Обладал изумительной памятью, помнил все фамилии и имена членов Политбюро, как говорится, с дореволюционных времён.

В 1952 г. после института нас распределили в Ижевск. Я попал на механический завод, а Борю завод отпустил в вуз по просьбе В.П. Остроумова — нашего с Борей декана и первого ректора ИМИ. Знаю, что студенты Борю любили, ведь он был деканом, и не один год, а добрый декан — это очень сложно... Боря

был очень добрый человек. Он был добряк. Правда, при этом вспыльчивый, эмоциональный, любил резать правду-матку. Как тряхнёт своей белой гривой и начнёт “долбать” кого-нибудь с трибуны... Никогда никого не боялся».

С 1 сентября 1952 г., первого дня работы института, Саушкин — ассистент кафедры технологии металлов, потом — старший преподаватель техмаша, потом — 40 лет на старейшей кафедре университета «Производство машин и механизмов», с января 1965-го — декан машиностроительного факультета. Но это будет потом.

Декан Б.В. Саушкин со студентами на демонстрации

А семь лет спустя после войны в первом здании ИМИ на улице Горького располагался машиностроительный факультет — это артиллеристы и «стрелкачи», спецбиблиотека — за железными дверями, вход — только с пропуском, вахтёры — военные. В цоколе здания — большой зал, где стоят пушки и мастерские со станками, — хозяйство Саушкина. А утром и вечером за окнами института, по деревянным тротуарам улицы Горького — шаркающий шаг колонн военнопленных немцев, возвращающихся в свой лагерь на окраине города.

Кроме комплектования мастерских, Саушкин занимался организацией научной библиотеки: выхлопотал из Москвы со всех вузов столицы целый вагон литературы; почти все спецучебники для оборонных специальностей были составлены именно им. Он же имел читательский билет № 1 и возглавлял первый читательский совет библиотеки.

При всём этом он всегда был очень занят общественно-партийной работой, сам ездил со студентами на целину. В эти первые годы института время летело, и за науку он так и не «сел», защититься не собрался...

Вспылить он мог, это правда. Мог и стулом замахнуть на секретаря партийной организации — был такой случай... Если он узнавал, что человек не просто где-то ошибся или созорничал, а именно словчил, не дай бог, что-то поимел чужое или общественное, то уважение этот человек в его глазах терял навсегда.

А вот за студентов всегда стоял горой. Студенты Саушкина называли «самым эрудированным преподавателем», «технологом с тончайшей душой» и даже «ангелом-хранителем», который уберёт не одну студенческую судьбу. Вспоминают и то, что Борис Владимирович решительно терпеть не мог вранья, и его азарт во время чтения лекций: он так увлекался, что засовывал мелкую тряпку в карман пиджака.

Заслуженный деятель искусства РФ, завкафедрой культурологии и главный режиссёр муниципального театра «Молодой человек» Евгений Столов о своём декане: «Внешне он был очень похож на молодого Блока. Голос, правда, был высоковат, но черты лица схожи. Он был суровым деканом, на самом деле быстро набирал гнев и “поливал”, в общем, не сдерживаясь. Нет, слова всегда были точные, никогда никакой ненормативной лексики, но интонация и темперамент очень быстро давали почувствовать ситуацию. При этом буквально на следующий день он разговаривал совершенно по-другому. Не то чтобы отходчивый — он, знаете, зла не держал!

Когда в вузе, кроме спорта, появилась эта “заразная болезнь” — художественная самодеятельность, я ею был очень увлечён. Смотр художественной самодеятельности в “Механе”

был явлением. Вообще, конечно, механический институт — это культурное явление в Ижевске, да и

Свои ордена Б.В. Саушкин надевал только на свой юбилей

в Удмуртии. Главные конкуренты на смотре: наше “околоискусственное” объединение машиностроительного “Богема” и приборостроители (П-факультет).

“Прибористы” выступили тогда прилично — люди они непростые, математика и всё остальное... На М-факультете ребята были попроще, но... как-то по-свободнее: “Мы — оружейники в городе оружейников, и всё тут! Что нам ваши ЭВМы? Вы сделайте такой автомат, как Калашников!” Мы выступили вторыми — и победили! На следующий день в деканат буквально вбежал, именно вбежал Саушкин, подлетел к коллеге-преподавателю и закричал: “Женя, Женя, ты слышал? Это же СССР — Швеция!” Мы как раз тогда первый раз выиграли у шведов... “Какая такая Швеция, Боря? Ты о чём?” “Ну как же?! СССР — Швеция! Мы — и прибористы!”

Потом у меня с ним были долгие беседы. Я и не знал, например, что он всю жизнь интересовался живописью — ещё от отца унаследовал. В советское время трудно было что-то купить, разве что-то из передвижников или что-то монументально-советское. А у него в ог-

ромной коллекции — японская живопись, Гоген, Рублёв. И где он только их взял? Всего оказалось невероятно много, всё в альбомах, и это было не просто тематическое собрание, всё систематизировано со знанием дела, по собственному вкусу и мнению: он знал, что делал. Я просто “огрём” у него тогда этих сокровищ для занятий в нашей театральной студии...

Или, к своему удивлению, услышал, что он был знаком с Пашенной и с Книппер-Чеховой (жена Чехова — уроженка Удмуртии. — *Прим. ред.*) — у Ольги Леонардовны даже бывал дома. Как-то мы стали говорить про музыку, я спросил: “Кто вам нравится?” Он говорит: “Вагнер”. Я переспросил: “Ну а Бетховен, например?” Он говорит: “Нет!” И снова я понял: человек знает, о чём говорит.

Он был очень самостоятельным. Я бы даже не назвал его человеком системы, хотя, несомненно, это был принципиальнейший, убеждённый коммунист. Он ездил с этими партийными ревизиями — кстати, в местные проверочные комиссии его потом включать перестали, знали: если есть у него своё мнение, он будет его отстаивать. Я горжусь, что у меня был такой декан.

Конечно, слышал я от него и о войне. И уже на его похоронах соседка по дому вспоминала, как он говорил: “...всю Прибалтику я прополз на пузе. Всю! На пузе!” Она его спрашивала, как он уцелел, как ему повезло, а он уверял, что “по одной простой причине — на войне в рот спиртного не брал ни капли”. Он и там, понимаете, работал: делал необходимое, страшное и опасное дело.

Конечно, воспитание и образование, которые дала ему в молодости “Бауманка”, — это на всю жизнь, это было в нём всегда, но не только. Он был самодостаточен и самостоятелен,

человек со своей основой, таких цельных людей я больше не встречал».

В 1995 г. Б.В. Саушкину было присвоено звание «Заслуженный работник народного образования УР», и в том же году, в июне, он ушёл на пенсию. В последние годы жизни Борис Владимирович (он перенёс тяжёлую операцию, ещё работая в вузе) жил один. Жена Зоя ушла из жизни раньше. Пока были силы — много читал, всегда просил приносить ему газеты. Друзья подарили радио — следил за всеми новостями, был в курсе всей новой политики, интересовался правом — у него было много юридической литературы. Внук учился в сельхозакадемии, и дед его «натаскивал» — то по сопромату, то по математике...

Бывало, и про войну вспоминал, рассказывал, как был между жизнью и смертью. Потом он уже не вставал на ноги, ездил по квартире на каталке. Друзья, когда приходили, пытались помочь ему сесть с кровати в каталку: «Боря, давай помогу!» Он не согласился ни разу: «Нет, сам!» Он и прожил жизнь сам: так, как сам решил. И совсем не в стране добряков, но сам — добряк. И не одну сотню молодых людей успел научить этому упрямому и честному девизу: «Я сам!»

Жил-был на свете Саушкин...

Пашка из артдивизиона

«Ты, я знаю, мама, не очень сочувствовала моему решению ехать на фронт. Но зато, если, конечно, судьба не готовит мне трагедию, я теперь смогу заявить, не бегая глазами и не пряча их, как смущённая гимназистка, под пушистые ресницы, что право на эту великолепную вещь — жизнь — я себе завоевал» (из письма Юрия Шаврина, командира орудия 174-го ОИПТД им. Комсомола Удмуртии, 1944 г.).

Проводы 174-го ОИПТД им. Комсомола Удмуртии на фронт. Ижевск, 23 сентября 1942 г.

В 1941–1942 гг. для сдерживания особенно крупных танковых прорывов в Красной Армии командованием была сделана ставка на использование небольших самостоятельных частей противотанковой артиллерии как силы быстрого реагирования, готовой к ведению огня прямой наводкой с коротких дистанций. В апреле 1942 г. началось формирование специальных подвижных «истребительных» бригад и дивизий. Свой истребительный артдивизион отправила на фронт и Удмуртия.

Из протокола заседания комсомольской ячейки Воткинского машиностроительного завода № 235 от 5 августа 1942 г. (под грифом «Только для заводского пользования»):

«...Кровь погибших и замученных призывает нас остановить и уничтожить фашистских разбойников, остановить и уничтожить фашистские кровавые танки. Мы предлагаем сформировать из комсомольцев и молодёжи противотанковый артиллерийский дивизион имени Комсомола Удмуртии ... вооружить и обмундировать этот дивизион...»

В удмуртских сёлах и деревнях начали собирать тёплые вещи; сарапульцы подготовили обувь, на текущий счёт артдивизиона было собрано около миллиона рублей,

и уже в августе в штаб будущего дивизиона стали прибывать комсомольцы-добровольцы.

Заводской комитет комсомола был до отказа забит желающими воевать рядом с земляками, и попасть в состав добровольцев было непросто. Отбор будущих истребителей танков проходил в обкоме, где обсуждали каждого кандидата и объясняли: «Посылаем только самых лучших парней и девушек».

Будущего генерал-лейтенанта Виталия Ульянова, совсем молодого мальчишку (год себе накинул!), так и спросили: «А ты маму на фронте не позовёшь?» Он ответил: «Я не позову! А ты?!» (звезду Героя Советского Союза боец артдивизиона Ульянов получит в 17 лет).

«Не каждый завод мог “позволить” себе свой артдивизион!» — так потом говорили ветераны. И не каждый город. Но за три неполных века своей истории воткинцы много чего сделали «невозможного»: и якоря всему российскому флоту, и первые в России железные паровозы, и даже шпиль Петропавловской крепости. В войну — «сорокапятки», в XX в. — «Тополя» и «Искандеры»...

В маленьком Воткинске родился и провёл своё детство Пётр Ильич

Переправа артдивизиона им. Комсомола Удмуртии через Вислу

Чайковский, сын горного инженера, управляющего заводом. Воткинский заводской пруд, где бойцы артдивизиона в детстве рыбу удили, и есть то самое «Лебединое озеро»... Было воткинским ребятам что защищать...

Личный состав 174-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона им. Комсомола Удмуртии (174-го ОИПТД им. Комсомола Удмуртии) — это 221 доброволец из Воткинского и трёх ижевских заводов (среди них и молодые киевляне, эвакуированные в Воткинск с заводом «Арсенал»). Средний и младший командный состав, наводчики — из 18-й запасной стрелковой бригады.

Все они составляли роту бронбойщиков с противотанковыми ружьями систем Симонова и Дегтярёва и обслуживали три батареи по четыре орудия 53-К на конной тяге. У каждого — изготовленный в Ижевске именной карабин с выгравированной по стволу надписью: «Смерть немецким захватчикам!», на прикладе — монограмма: «174-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион имени Комсомола Удмуртии». У офицеров запасного полка, добровольно согласившихся войти в состав дивизиона, — именные пистолеты с такой же надписью.

Орудия для артдивизиона, легендарные «сорокапятки» — «Прощай, Родина!», как называли их на фронте, молодые рабочие Воткинского завода собрали во внеурочное личное время, сами провели стрельбовые учения на заводском полигоне. На каждой пушке ставили знак «КИМ» — эмблему дивизиона.

Утром 23 сентября на Ижевском вокзале состоялись торжественные проводы артдивизиона, направившегося на контрольные стрельбы в посёлок Кубинка Московской области, где дивизион был включён в состав 172-й стрелковой дивизии.

Свой первый бой артдивизион принял 16 декабря в районе деревни Гороховка Воронежской области — «затыкали» прорыв группы Манштейна, который спешил на выручку к Паулюсу под Сталинград. По воспоминаниям ветеранов, в первом бою командовали своим так,

как видели до войны в фильме «Александр Невский»: «Помирай, где стоишь!» Мальчишки же... любили кино про войну...

Дивизион воевал на Юго-Западном, Белорусском и 1-м Украинском фронтах, принимал непосредственное участие в освобождении многих городов на территории СССР, Польши и Германии: от Кантемировка до Славянска, от Радзивиллов до Шпротау. С боями форсировал реки Дон, Вислу, Одер, Нейсе.

Специфическая особенность отдельного истребительного противотанкового дивизиона состояла в том, что его батареи всё время придавались стрелковым полкам и вместе с ними выполняли ту или иную боевую задачу. Самостоятельно, как отдельная боевая единица дивизион воевал очень редко. Но зато военное искусство бойцы освоили быстро, тем более что матчасть, свои пушки заводчане знали как никто: своими руками собирали.

Один пример. Если специалисту-артиллеристу сказать, что ребята из «сорокапятко» стреляли по самолётам — никто не поверит. Конструктивно противотанковые устройства противотанковых пушек отличаются от зенитных, максимальный угол вертикальной наводки у них не превышал 25 градусов, снарядов с дистанционными взрывателями к этому орудию не выпускалось — в общем, по самолётам из них стрелять, казалось бы, невозможно... Не тут-то было! Ветераны рассказывают: стреляли!

Артдивизион на марше в Польше

В августе 1944-го на восточном берегу Вислы дивизион ждал переправы на Сандомир. Немцы переправу обстреливали и бомбили, при этом пострадали зенитные батареи. И ребята решили превратить орудия ПТО... в зенитки. На остовы рам сгоревших «студебекеров» погибшей автороты поставили орудия, сняв с них защитные щиты и колёса, станины вкопали на полметра в землю. Придав орудийным стволам угол возвышения в 70–80 градусов и направив их на запад, стали ждать. Немецкие бомбардировщики зашли с высоты 5–6 тыс. м, но тут все 12 преобразованных «зенитных орудий» открыли заградительный огонь. Что вы думаете? Немцы бросили бомбы, не долетев до переправы. Самолётов из «сорокапятков», правда, не сбили, но налёт сорвали...

В 1944 г. дивизион за свои боевые заслуги получил боевое Красное знамя, а в мае за взятие г. Виттенберга — орден Красной Звезды. Более 500 правительственных наград за время войны получили бойцы и офицеры дивизиона. Победу встречали в Праге, боевые действия закончили 11 мая.

Четыре раза молодёжь Удмуртии пополняла артдивизион вооружением, обмундированием и бойцами. Всего на фронт с пополнением ушли 254 человека при 221 из первоначального состава. Почти все, кого торжественно отправляли из Ижевска 22 сентября 1942 г., были убиты или выбыли по ранениям, не совместимым с дальнейшим прохождением службы. Пополнение набирали за счёт добровольцев, недавно достигших совершеннолетия, вчерашних школьников и молодых рабочих из городов и сёл республики.

Будущий студент ИМИ Пашка Дерендяев родом из Балезинского района, из северных удмуртов. Перед войной его семья

Павел Дерендяев. 1943 г.

переехала в Сарапул, там он и закончил школу в 1942 г. А на следующий год, дождавшись, когда ему стукнет 18, пошёл добровольцем в артдивизион. В пополнение июля 1943-го набирали 90 человек — почти половину личного состава, но попасть туда по-прежнему было непросто.

Пашка своего добился, он вообще всегда был настойчивый. Вон Юрка Шаврин из Воткинска просился ещё в первый набор, пять раз заявление на фронт подавал! У него зрение совсем плохое, таких вообще на фронт не берут. Но и Юрку взяли.

Однополчанин Пашки Юрка Шаврин будет знаменитой личностью в артдивизионе: настоящий поэт! Его стихи «истребители» знали наизусть:

*Значит,
сколько ни было б исхожено,
Я вернусь —
иному не бывать! —
Потому,
что мне ещё положено
Долюбить,
допеть, доцеловать.*

Поэт и командир орудия Юрий Шаврин погиб в январе 1945-го в Польше...

Начинал воевать Паша Дерендяев заряжающим на Курской дуге, потом освобождал Ук-

раину, потом 76 дней в составе дивизиона воевал на территории Белоруссии. Пять танков, 15 пулемётов, девять дзотов, более 300 гитлеровцев — вклад 174-го истребительного в подготовку операции «Багратион», одну из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны.

Из хроники боёв: 16–17 января батареи 174-го ОИПТД огнём и колёсами поддерживали наступление стрелковых полков. 2-я батарея, где воевал Паша Дерендяев, подавила две огневые точки, на следующий день — ещё пять. 18 января 1-я и 2-я батареи вели наступательный бой, поддерживая своим огнём 747-й и 388-й СП, 2-я разбила один пулемёт, три огневые точки, истребила до 40 гитлеровцев. Противник немедленно пошёл в контратаку. 2-я, открыв прицельный огонь по наступающей пехоте, уничтожила до 20 немецких солдат и офицеров. Контратака отбита. 19 января: на счету 2-й батареи — дзот, пять пулемётов, 35 солдат. 26 января 2-я батарея вела огонь по пехоте врага. Было уничтожено до 15 солдат. Гитлеровцы весь день миномётным огнём обстреливали её боевые порядки. Ранены двое: младшие сержанты Мясников и Дерендяев — ранение в голову*.

После госпиталя старший сержант Дерендяев в артдивизион не вернулся, с февраля 1944 г. воевал командиром артиллерийского орудия батареи 76-мм пушек артдивизиона 218-го армейского запасного стрелкового полка 65-й армии Белорусского фронта. Участвовал в Бобруйской операции, Люблин-Брестской, Млавско-Эльбинской операции, Восточно-Померанской и Берлинской наступательной операциях...

Закончил войну с двумя медалями

* Парфёнов П.С. Хроника боёв 174-го ОИПТД им. Комсомола Удмуртии по архивным материалам.

*Студент 1-го курса ИМИ
Павел Дерендяев*

«За боевые заслуги» и медалью «За победу над Германией». Направлен в Сызранское танковое училище, проучился там до весны 1947 г., но военным быть не захотел. Демобилизовался и вернулся в родной город, домой.

Сначала работал в Сарапуле грузчиком, закончил электро-механический техникум, пошёл на завод. Ему очень хотелось учиться, стать инженером, а в Ижевске как раз открылся Механический институт. На дневное поступать не решился: там вчерашние школьники, да и работать надо... Подал документы на вечернее отделение.

В «Механ» Павел Федотович всё-таки поступил, специальность — «Математические и счётно-решающие приборы и устройства». Вскоре стал старостой группы, в 1958 г. за хорошую учёбу ему была объявлена благодарность ректора, попал на Доску Почёта института. Выпускник 1960 г., получил диплом с отличием.

В 1986 г. Павла Федотовича Дерендяева нашла ещё одна военная награда — орден Отечественной войны I степени.

Сегодня воткинская школа № 17, где был штаб артдивизиона, носит имя 174-го ОИПТД им. Ком-

*Павел Федотович Дерендяев.
1970-е гг.*

сомола Удмуртии, есть в городе памятник 174-го ОИПТД — пушка-«сорокапятка».

В Ижевске, в кленовом сквере у кинотеатра «Дружба», в 1968 г. тоже появился памятник бойцам артдивизиона, в обиходе ижевчан — просто «Пушка». В 1960–1970-х гг. 9 мая здесь всегда встречались ветераны артдивизиона. Правда, ижевская «Пушка» не боевая, а учебная, но тем не менее орудие за-служенное.

В 1941–1944 гг. в Ижевском пединституте базировалось эва-

Почётный караул студентов ИжГТУ им. М.Т. Калашникова у памятника 174-го ОИПТД им. Комсомола Удмуртии. Ижевск, апрель 2014 г.

куированное Ленинградское артиллерийское техническое училище (ЛКАТУ). Учились стрелять на этой пушке более 5 тыс. младших воентехников-лейтенантов. Кстати, старшим команды у них был Владимир Осипович Богомолов (Войтинский) — будущий писатель, автор культового произведения «Момент истины». В августе 44-го...

Прошлой весной, в апреле, у ижевской «Пушки» встали в почётный караул студенты ИжГТУ им. М.Т. Калашникова — девочки и мальчишки с разных факультетов. Сами так решили, раздобыли камуфляж, сами встали. Местные журналисты у них допытывались: «...вам это зачем? Да ещё в такую погоду», — дни как раз были очень холодные, снег и дождь. Девочки в пилотках отвечали: «Мы же помним... Они же там — за нас... А что погода сегодня "нелётная", так и война погоду не выбирала!»

Партия для сына полка с кларнетом

Почему именно джаз, эта вечнозелёная музыка, — в заснеженном Ижевске, городе-заводе, в «Механе»? Потому что — 1950-е. Самое страшное позади, пришло время надежд. Самое время для музыки.

Герман Власов впервые оказался в Ижевске перед самой войной: его отца, механика из Подмосковья, направили «на укрепление кадров» Ижевского железнодорожного депо. Накануне рокового лета отец уехал в командировку, началась война — и больше Герман никогда не видел отца. В 1941-м мама с сыном пытались вернуться домой. Пробивались в поезда — и в сторону войны, и в тыл они шли переполненными, но до Москвы они так и не добрались.

Эшелон попал под бомбёжку, и в этом аду 10-летний мальчишка навсегда потерял мать. Метался по побоищу, звал, вглядывался

в живых и неживых, но мамы не увидел. «Знаете, что такое бомбёжка? Если бы вы хоть раз это увидели, вы бы сошли с ума», — говорит Герман Иосифович.

Осиротевший мальчишка бродил с такими же голодными, потерянными детьми войны по городам и весям разорённой страны. Их, конечно, вылавливали, но пацаны сбегали снова: кто — на фронт, кто — искать родных. В конце концов его подобрал военный разведотряд. Взрослые мужики обходились с «найдёнышем» строго, по-солдатски: главное — накормить и из землянки не выпускать. Чтоб остался живой.

С ноября 1943 г. по приказу командования несовершеннолетних планово начали отзывать из действующей армии. Сотни мальчишек, лишившихся крова и родных, потерявших отцов на фронтах, отправляли на учёбу в суворовские и нахимовские училища, которые и стали им родным домом.

Неразговорчивый сержант взял Герку за руку и повёз в тыл. В марте 1944-го Власова как проявившего способности к музыке определили в Новосибирское во-

Оркестр Бериславско-Хинганской дважды Краснознамённой ордена Суворова II степени гвардейской бригады (в третьем ряду второй справа — кларнетист Г. Власов). Тюмень, конец 1940-х гг.

енное музыкальное училище (Новосибирская школа музыкальных воспитанников Советской армии). Кстати, в эти годы капельмейстером в одном из училищ города, а потом инспектором военных оркестров был сам Василий Агапкин, автор «Прощания славянки». Вообще волею военной судьбы Новосибирск в те годы стал центром «музыкальной» эвакуации — сюда приезжали музыканты из больших городов, джаз-оркестр Л. Утёсова, Ленинградская филармония и т.д.

Воспитание в училище было суворовское: по 12 часов в день — военная, общеобразовательная и музыкальная подготовка, в 14 лет воспитанники приняли воинскую присягу. Здесь появился у юного кларнетиста и первый маэстро — майор Евгений Яковлевич Вержаховский, омский кларнетист и дирижёр военных оркестров, впоследствии — профессор Новосибирской консерватории и композитор.

В 1945-м кларнетист Герман уже маршировал с оркестром на новосибирском Параде Победы. В 1947-м закончил училище, затем — класс военных дирижёров при консерватории, служил рядовым в военном оркестре, был

награждён медалью «30 лет Советской Армии и Флота».

В мае 1950 г. демобилизованный 17-летний сержант Власов вернулся в Ижевск и остался здесь навсегда. Работал актёром в театре кукол, слесарил на заводе, играл, наверное, во всех ресторанах и на всех танцплощадках города, в филармонии и оркестре Ижевского цирка. Купил первый собственный инструмент — деревянный кларнет, раньше-то всё были казённые. Первый во всей Удмуртии взял в руки саксофон.

Старожилы вспоминают, что в первые годы после Победы на ижевских улицах из репродукторов каждый день звучала музыка — песни Л. Утёсова, К. Шульженко, музыка И. Дунаевского... В городе появились непродовольственные магазины, а в них — баяны, гитары и грампластинки с музыкой советских композиторов, английских и американских танцевальных оркестров.

В один прекрасный день в конце ноября 1953 г. Володя Зюзин, студент первого набора ИМИ, фронтовик, прошёл и

Герман Власов, воспитанник Новосибирского военного музыкального училища. 10 июня 1945 г.

Первый состав джаз-оркестра ИМИ. 1954 г.

солдатом от Сталинграда до Кёнигсберга, и великолепный техничный аккордеонист, играл для сокурсников на аккордеоне: «Бабочки под дождём», «Брызги шампанского»... Потом представил ребятам своего знакомого — Германа Власова. Тот открыл какую-то коробку, достал оттуда кларнет, приладил трость — и тоже сыграл. В общем, слушатели тут же решили, что музыка — это ужасно

здорово, надо только научиться играть и собрать свой оркестр.

Один из первых музыкантов оркестра, сегодня — саксофонист джаз-оркестра ИжГТУ, кандидат технических наук, профессор Олег Трифонов вспоминает: «Мы же голодные были. Ничего не было, одна радость была для всех — музыка. И новоявленных оркестров тогда было — пруд пруди... Но у них не было Власова. А у нас — был».

Музыканты-новобранцы на ходу осваивали инструменты и нотную грамоту. Добывали инструменты, варили самодельные пульта, зарабатывали деньги, чтобы купить ноты у циркового оркестра, и даже ездили... на мясокомбинат за солёными шкурами для оркестрового барабана.

С первых же репетиций Власов установил для музыкантов любительского оркестра режим профессионального коллектива (сказалась военная выучка!): обязательные две-три репетиции в неделю, индивидуальные занятия и постоянная игра оркестра на публике в концертах и в качестве танцевального оркестра на вечерах отдыха родного ИМИ.

Премьера оркестра состоялась на вузовском новогоднем вечере. Фильм «Волга-Волга» в Ижевске любили от всей души (его и снимали рядом — в Сарапуле на Каме), и музыкальный номер с «куплетами водовоза» имел невероятный успех.

С тех пор прошло более 60 лет. Биг-бэнд ИжГТУ получил звание народного коллектива, стал лау-

Биг-бэнд ИжГТУ (четвёртый слева в первом ряду — Герман Власов). 2007 г.

Герман Власов, «Золотой саксофон Удмуртии». 2010 г.

реатом многочисленных республиканских и российских конкурсов. Были годы, когда желающих попасть на концерт «механиков» сдерживала конная милиция...

Менялся состав оркестра, солисты и ансамбли, но оркестр был и остаётся гордостью «механиков», да и всего Ижевска. И, как прежде, на сцене — его художественный руководитель, кларнетист и саксофонист Герман Власов.

Он побывал на гастролях по всему Союзу — от Москвы до Хабаровска, целый сезон гастролеровал с легендарным биг-бэндом Эдди Рознера (кол-

лектив, собравший в 1950-х гг. лучших исполнителей СССР, именно этот оркестр «озвучивал» фильм Э. Рязанова «Карнавальная ночь»), а годы спустя сыграл и в Венгрии, и в Ницце.

Юбилейный концерт в честь 80-летия Германа Власова в феврале 2013 г. друзья и коллеги назвали «8:0 в его пользу». Ижевские газеты тогда писали: «Зал государственной филармонии был полон. Шквал аплодисментов, крики «браво!», а редкий фокстрот «Смех сквозь слёзы» в исполнении мэтра окончательно сразил публику».

Музыканты первых составов оркестра стали учёными и руководителями крупных производств, а некоторые — профессиональными музыкантами. Пианист Володя Казаков — участник разработки первой советской системы ПРО; скрипач Володя Князев — замдиректора «Ижмаша», пианист Веня Гольдфарб — доктор технических наук, глава научной школы, учёный с мировым именем; Игорь Гесс, аккордеонист, — подполковник. Солист Коля Гуторович закончил консерваторию в Москве, артист Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, ударник 2000-х гг. Миша Губин играет в петербургском оркестре, Алексей и Лариса Письмеровы — создатели и руководители культового

Г.И. Власов: «Прекрасной музыки на свете много!»

в Ижевске вокал-бенда Rec.Time ИжГТУ, солистка Весна Ковалевич — руководитель школы вокала, саксофонист Арнольд Гискин, выпускник приборостроительного факультета, закончил «Гнесинку» по классу саксофона, продюсер и академик Академии телевидения РФ (ТЭФИ).

Как-то в гостях у оркестра побывала съёмочная группа российского канала «Культура», сняв сюжет для программы, посвящённой музыкальной культуре Удмуртии («Странствия музыканта»).

— Люблю играть хорошую музыку! — говорит Власов. И едва ли сам замечает, что при слове «музыка» он всегда улыбается. — Прекрасной музыки на свете много!

— Герман Иосифович, вы многое в жизни видели. А есть у вас свой девиз, жизненное правило, которого вы всегда придерживаетесь?

— Как ни странно, это правило Островского. Того самого, Николая, над которым сейчас все смеются. Жить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...

Биг-бэнд ИжГТУ в наши дни.

